

ХУЙ МОЕГО СТАРШЕГО БРАТА

Вадим Кирсанов

Действующие лица:

САША — 16 лет, ненормальный, больной, улыбчивый извращенец
МАКС — 25 лет, его брат, даже не латентный
ИХ МАТЬ — 45 лет, самая красивая женщина в городе
ИХ ОТЕЦ — 50 лет, застрелил бы жену, детей, собаку и себя, но давно уже лень
ВАНЯ — 16 лет, друг Саши, вовсе и не нежный
КАТЯ — 23 года, девушка Макса, блаженненькая такая
ВРАЧ, ТОЩИЙ, ЖИРНАЯ — молодые, до 25
ЛОШОК — 14 лет

1.

Анонимный видеоблог Саши. Его лицо скрыто за смешной анимированной маской.

САША. Короче, я отключаю комментарии и больше не буду читать то, что приходит в личку. Не потому что вы все мудаки или ещё что-то — и спасибо огромное тем, кто всё-таки отзывается конструктивно — но мне сейчас не нужен разговор. Я рассказываю, может быть, не самые приемлемые вещи, но в этом и смысл, просто рассказать их, без обсуждения. Это же у всех так, всегда есть что-то, о чём никому никогда не рассказывал и что держишь в секрете даже от лучших друзей. Ну, "держишь в секрете" это, конечно, сильно сказано, как будто секрет настойчиво пытается вырваться, а ты прямо вот его удерживаешь, нет — просто даже в голову не приходит о таком говорить. Они не поймут, они же твои друзья, ты их знаешь. Они тебя тоже любят, но у них свои тараканы, зачем делать им больно. Потому иногда просто, ну, некуда обратиться, некуда сказать, и всё, что в тебе, оно потихоньку там и умирает, и кажется даже, что изо рта им пахнет. Поэтому нужно вот так, в пустоту нашёптывать хотя бы. И если кто-то натывается на мои видео, отлично — но это не шоу, не стриптиз какой-то ради лайков, это — правда, так — бывает. У всего этого есть смысл. Глумитесь сколько хотите, но я верю, что кому-то будет полезным услышать меня, увидеть мою внутреннюю работу. И я читаю, конечно, все эти паблики, где ребята пишут о себе анонимно, и знаю, что не один такой, и что всем стыдно, и всем страшно, и все хотят хоть какой-то ясности. Я тоже хочу понять, что со мной не так, но я должен сделать это сам, без указаний вроде это можно, а это нельзя, это хорошо, а это плохо. Мне и без того непросто. И я не покажу своё лицо. Мне спокойнее так. Может быть, я действительно извращенец, ненормальный, больной, вот это всё, не знаю — но сейчас это решаю я. Так что вот. *(Улыбается.)*

МАТЬ. Какая же ты мразь.

САША. Что?

МАТЬ. Что слышал. Ненавижу тебя.

Зима, заканчивается новогодняя ночь, они медленно идут по уже опустевшей улице. Саша мёрзнет. Чуть поодаль следует его мать, её лоб густо перевязан бинтами под нелепой сашиной шапкой, но в целом одета она празднично и даже на каблуках. Кажется, она пьяна. Парень не оборачивается.

МАТЬ. Понял?

САША. Понял.

МАТЬ. Не сутулься! И отца твоего ненавижу.

Она спотыкается, но не падает. Осторожно трогает голову. Слышен звук проезжающего авто.

САША. Я не сутулюсь.

МАТЬ. Мрази.

САША. Мам...

Она останавливается.

МАТЬ. Поймай мне машину.

САША. Денег нет.

МАТЬ. Я же давала.

Он не отвечает.

МАТЬ. Я же подарила тебе! И доллар ещё, на счастье. Чтобы всегда в бумажнике был доллар.

САША. В больнице всё отдал. Они не хотели ничего сразу делать, новый год же.

МАТЬ. И доллар?

САША. И доллар. Давай иди, тут всего ничего.

МАТЬ. Ну, что правда, то правда — счастья у тебя теперь никогда не будет.

Идут дальше.

МАТЬ. Какая же мразь этот врач. Молодой, красивый, и уже мразь. И шов уродливый наложил. А я не пьяная, у меня сотрясение! Пьяная, как же... С вами ещё как сопьёшься, с такими мразями. Благодарю Бога, что мать не алкоголичка.

Саша молчит.

МАТЬ. Я что сказала. Благодарю Бога, я сказала!

САША. Спасибо.

МАТЬ. То-то же. Может простит тебя ещё.

САША. Я ничего плохого не сделал.

МАТЬ. Да ты что? А этого своего зачем привёл? Ты о нас с отцом подумал?

САША. Мой День рождения, приглашаю кого хочу.

МАТЬ. Это общий праздник, вообще-то. У тебя отец — ментяра, ты об этом подумал, что он убить тебя может?

САША. Он не придурок.

МАТЬ. Да ты что? Мразь. Ты видел вообще, что он сделал? Шов — у-род-ли-вый! Купи мне шампанского.

САША. Ночью не продают. И денег нет. И тебе нельзя. И не он это сделал, а ты сама упала.

МАТЬ. Да? Какие же мрази. Ни ты, ни папаша твой ни на что не способны, всё сама, всё сама. *(Пауза.)* Хочу шампанского. А этот твой тебя в жопу трахает, да?

САША. Мам!

МАТЬ. Или ты его?

САША. Не “этот твой”, а Ваня.

МАТЬ. Ваня! Ха! Имя ещё какое...

САША. Какое?

МАТЬ. Нееежное! Вааа-ня! Моего ребёнка, и нежно — в жопу.

САША. Мааам! *(Вполголоса.)* Как будто это пиздец экзотика.

МАТЬ. Не смей так с матерью разговаривать! Я — взрослая женщина. Да, экстравагантная. Да, интересная. Да, хочу, чтобы было не скучно. И я имею право на секс. И на анальный тоже. Гипотетически говоря. А ты — несовершеннолетний, и права никакого не имеешь, тем более, с мальчиком или кто он там. Я, допустим, внуков хочу!

САША. Ты, допустим, шампанского хочешь.

МАТЬ. Ну, допустим. Но и внуков тоже.

САША. Есть варианты, если тебе интересно. Усыновление, суррогатная мать...

МАТЬ. Не нужны мне варианты, я нормальных внуков хочу, человеческих. И чтобы ты не уезжал учиться в Москву в ужас этот. И чтобы посуду за собой мыл. И не сутулься, я тебе сказала!

Саша останавливается и разворачивается к ней.

САША. Вот хватит уже, просто хватит! Вот что ты играешь, а? Зачем мы всё это обсуждаем? Ведь это ничего не меняет. Лишь бы не скучно было? Лишь бы просто меня задеть?

МАТЬ. Меняет!

САША. Что?

МАТЬ. Не знаю! Я хочу, чтобы мой сын был мужиком. Разве я много прошу?

САША. И в армию чтоб пошёл, защищать Отечество! Будь мужиком! Будь мужиком! Смерть какая-то, и больше ничего.

Мать закатывает глаза, достаёт сигарету.

САША. Зачем ждать тогда вообще, а? Вот прямо сейчас возьму и убью себя, хочешь?

Он достаёт из куртки пистолет и пузырёк с таблетками.

МАТЬ. Ну началось. Ты не видел, куда я зажигалку дела?

САША. Папин пистолет и твоё снотворное. Моя семья меня убивает, ха-ха! А чтобы наверняка, пусть ещё и прокатится кто-нибудь по мне.

Он выходит на дорогу. Демонстративно давясь, глотает содержимое пузырька и вставляет дуло пистолета в рот. Мать ищет по карманам зажигалку.

МАТЬ. Да машин нет в такое время.

САША. Эхгагыгагыгабэ.

МАТЬ. Что?

Он вынимает пистолет изо рта.

САША. Не в деревне. Вон едет. Сейчас все пьяные как раз, мечты сбываются!

Вставляет дуло обратно.

МАТЬ. А может ещё вены порезать сразу и верёвку какую на шею накинуть? Для верности?

САША. Рах.

МАТЬ. Тебе кто вообще пистолет разрешал брать? А, вот она.

Находит зажигалку, прикуривает. Слышна приближающаяся машина.

САША. Гва.

МАТЬ. Ну хватит уже.

Парня озаряют приближающиеся фары.

САША. Крииии?

МАТЬ. Саша!

Он соскакивает с дороги. Слышен звук пронесшейся мимо машины и смех пассажиров.

САША. Напряглась?

МАТЬ. Нет.

Отбирает у него пузырёк, дальнозорко читает этикетку с вытянутой руки.

САША. Витамины это мои.

МАТЬ. Ну моё снотворное тебе бы не пригодилось, от него только диарея в худшем случае, я интересовалась, фигня! Пистолет отцовский тебе кто разрешил брать, я спрашиваю?

Саша убирает пистолет в куртку.

САША. Да я спрятать хотел, а то он бы его опять достал и размахивать начал. Я его даже с предохранителя не снял. Я умею стрелять, вообще. Хотя в себя, наверное, и не нужно прям уметь.

МАТЬ. Мозги ты парить умеешь.

САША. Учился у лучших мастеров артистической манипуляции.

МАТЬ. Да что ты понимаешь. Чтоб у тебя такая любовь была. Интересная. Экстравагантная! У нас с твоим отцом каждый скандал — праздник.

САША. И каждый праздник — скандал. Это не любовь.

МАТЬ. Да что ты понимаешь! Это же игры такие, ну, психологические. Вырастешь, узнаешь.

Закашливается и выкидывает сигарету.

САША. Тебя вообще никак не пробить, да? Нафига мне вообще в такое вырастать. Игры, игры, игры. Ты реально не понимаешь, что за этими играми что-то должно находиться?

МАТЬ. А ты реально не понимаешь, что у твоей матери Очень Болит Голова?

САША. Всё, на надо, бесполезняк какой-то.

Решительно уходит. Мать спешит за ним.

МАТЬ. Саш, давай весь торт сейчас съедим в две хари, а?

САША. Не хочу туда возвращаться.

МАТЬ. Наполеон же, из кулинарии, но прямо как бабушка делала, помнишь?

САША. Макс может помнить, не я.

МАТЬ. Почему Макс?

САША. Бабушка умерла за две недели до моего рождения, вообще-то.

МАТЬ. А, ну может он, да.

3.

Видеоблог.

САША. А поговорим-ка про любовь. Пересматривал недавно "Пятый элемент", и там чтобы спасти вселенную, необходимы земля, вода, воздух, огонь — и любовь, ну, вы помните. Бред, конечно, но у меня из головы это не выходит. Это же как в физике: твёрдое тело там, жидкость, газ, плазма, вот это всё, и любовь же тоже может быть разной, и всё это как бы разные состояния одного и того же, разные формы просто. То есть всё вокруг любовь, и даже ненависть — это любовь, круто, да? И я как бы всё понял. Да. Нашёл ту ниточку, за которую можно вытянуть комок из горла. Короче, мне кажется, я как бы не существую один, только по отношению к другим, и получается игра такая, пазл: собрать всё остальное, все кусочки вокруг, и между этим где-то будет правда обо мне, и по контурам этой пустоты можно будет понять, кто я на самом деле и как меня исправить. Кусочков, из которых я могу состоять, если так подумать, выходит действительно пять: мама, папа, брат, кто-то совсем другой и весь остальной мир. И ниточка та — ну что самое короткое может быть, самое простое и чистое? Ведь когда тебе не дают чего-то, ты этого всё больше и больше хочешь, и моя любовь меняет форму и состояние, кристаллизуется под давлением, кипит и шпарит. Животное притяжение — вот единственно возможная форма любви к тому, что меня отталкивает, и чтобы спасти вселенную, чтобы создать себя, мне нужно заняться любовью с мамой, с папой, с братом, с кем-то другим и с целым миром. А иначе? Не знаю. Иначе всё не настоящее.

4.

За накрытым праздничным столом сидит Отец, одет цивильно, брюки-рубашка-галстук-свитер. Сцепив кисти, он играет сам с собой, большой палец правой руки пытается победить большой палец левой, бессмысленное занятие. Он наливает рюмку водки, хлопает её, морщится.

ОТЕЦ. Тёплая.

Снова сцепляет кисти.

Около стола на полу лежит ёлка, и тот край комнаты усыпан осколками игрушек. Рядом — опрокинутый стул и разлившаяся бутылка шампанского. С одного края стола сидит Макс в грязных джинсах и худи на молнии, курит, наблюдает за Отцом с

маской умиротворения на лице, лениво крутит в руке зажигалку. По ящику в соседней комнате едва слышны радостные новогодние передачи.

МАКС. Как она тебя.

ОТЕЦ. Мхм.

МАКС. Отмудохала ёлкой. Слушай, ну это просто красиво.

ОТЕЦ. Максим, следи за языком, не на зоне.

МАКС. А, иди к чертям, начальник. Сегодня такие чудеса творятся, сегодня всё можно.

ОТЕЦ. Всё?

Берёт бутылку водки и поливает стоящие на столе салаты, курицу, варёную картошку с укропом, заливное и так далее. Оставляет в бутылке немного, выливает в рюмку, выпивает, морщится, снова сцепляет кисти и играет.

Макс улыбается, наклоняется к столу, осматривает, выбирает блюдо с мандаринами, поджигает, водка вспыхивает слабым синим пламенем.

МАКС. Волшебно.

ОТЕЦ. Хорошая водка, если горит. А на вкус — говно. Как Новый год встретишь, так его и проведёшь, да? С хорошей плохой водкой у чертей в аду, шкворчать над горящими мандаринами.

Макс блаженно потягивается и жмурится от удовольствия.

МАКС. Только сейчас понимаю, как я по вам скучал. У нас там таких шоу не бывает. (Манерно изображает верещащую мать, размахивающую ёлкой:.) Это ты виноват, ты виноват, что он педик!

Отец толкает стол, дребезжит посуда.

ОТЕЦ. Тебе совсем плевать, да?

МАКС. Да помириться вы, чего ты.

ОТЕЦ. Мы-то помиримся, а ты? Ты — часть этой семьи, запомни. Сашка тебя специально ждал, чтобы... Эх!

МАКС. И что? Нормальный День рождения у малого, чего ты. (Обводит обстановку руками.) Не хуже обычного. Предъявил, конечно, птенчик наш. Мне-то как-то поплевать на это, а вот если мои там узнают, будет нехорошо.

ОТЕЦ. Твои все здесь, понял? Ты понял? Почему Катю не проводил?

МАКС. Я её и не приглашал. Она-то тут при чём.

ОТЕЦ. Так дела не делаются, Максим! Я знаю, что она в положении, и мать к ней ходит. Хорошая девочка, тихая. Давай-ка, по-мужски давай.

МАКС. Из такого положения вижу очень лёгкий выход.

ОТЕЦ. Не делаются так дела, я тебе говорю. Женишься, человеком станешь.

МАКС. А иначе чем, козлёночком?

ОТЕЦ. Да посмотри на себя.

МАКС. А что, вы, что ли, людьми стали? Как звери. И плодичку пропагандировать не нужно, некрасиво, из самих вон вылезли, один петух, другой сидит. Вам бы только машину времени в руки, вы бы фюить, и питаться сладкой земляникой где-то по отдельности, каждый в собственном райке. И друг друга бы из памяти стёрли, и нас с Сашкой, чо вот ты мне тут.

ОТЕЦ. Неправда! Не бывает машин времени.

МАКС. Вот если бы не я, если бы не по залёту, где бы вы двое сейчас были? Ты бы продолжал по выходным кататься в Москву, шпилить одну за другой, любимые истории о боевой юности, и так пока не залетит какая-нибудь. Была б у меня другая мама, чо, плохо что ли? Надо было только с квартирой брать, а то лоханулся совсем, студентка из Рязани, ха.

ОТЕЦ. Неправда.

МАКС. Да что ты заладил. Неправда-неправда. А где правда? Если мы с Катькой женимся, там где-то будет правда?

ОТЕЦ. Максим, ты мужик? Мужик. Тут без вариантов. Быть мужиком и есть правда.

МАКС. *(Отмахивается.)* Ээ. Не хочу.

ОТЕЦ. Ничего не хочешь. Четыре курса, четыре курса отучиться в ме-ди-цин-ском и просрать!

МАКС. Заезженна пластинка. Я, вообще, отдохнуть приехал, не нуди, а?

ОТЕЦ. Ты приехал, потому что твоя мать проела плешь не одному безупречному сотруднику пернитен-пинитер-да ё — пе-ни-тен-ци-ар-ной системы, чтобы тебя перевели в поселение и давали что? Свидания и отпуск.

МАКС. Даже посидеть нормально не дали. Везде достанете. Денег некуда девать?

ОТЕЦ. Согласен, и моих там ни копейки. Это шанс мозги тебе вправить, но она разве послушает? Свидания вон уже к чему привели. Как будто резинки купить трудно было.

Макс хихикает.

МАКС. Резинки! Слушай, а ты не знаешь, может, маман их трахала? Сотрудников пенитенциарной системы?

ОТЕЦ. За языком следи. Отпуск тебе, очевидно, противопоказан.

МАКС. Слушай, ну что ты паришь, а? Расслабься. Праздник.

ОТЕЦ. Блядь, да я не понимаю, как с вами разговаривать. Вот сколько лет работал, всех же на участке знаю, и меня все по имени-отчеству, и со всеми разговаривать умею, а с вами ни с кем — не умею.

МАКС. Следи за языком, не на зоне.

ОТЕЦ. Щенок.

Достаёт ещё одну бутылку, наливает рюмку, хлопает, успокаивается. Молчат. Макс крутит зажигалку и улыбается. Отец играет пальцами. Входит Мать. Отец перестаёт играть пальцами.

МАТЬ. Сидите?

Молчат.

МАТЬ. Пьёте?

Молчат. Она величаво проходит к ёлке, осколки игрушек хрустят под каблуками.

МАТЬ. Ну и я выпью.

Подбирает с пола бутылку, стряхивает капли, обильно пьёт из горла, вздыхает.

МАТЬ. Очень шампанского хотелось.

Молчат. Она поднимает опрокинутый стул, садится за стол напротив Макса.

МАТЬ. А я никуда не уйду. Зависну тут у вас, в парах алкоголя.

Молчат. Она пинает Отца под столом.

ОТЕЦ. Щас доведёшь меня до трясушки.

Она сексуально гладит его по ноге.

МАТЬ. Доведу. А ты меня? Ну, Паш. Доведёшь? М? До трясушки?

ОТЕЦ. Я не буду извиняться!

МАТЬ. Ну и сиди. А у меня, между прочим, сотрясение.

МАКС. Чего? Ёлки?

МАТЬ. Боже, оно говорящее.

ОТЕЦ. Малой-то где?

МАТЬ. К мальчику этому своему пошёл. Вот что с ним делать, а? Он же должен понимать, в какой стране живёт, это же не Европа, у нас другой менталитет.

МАКС. Не Европа. Россия! Единая-разъединая.

МАТЬ. Что же ты о нас такого плохого мнения-то? Я вообще не поддерживаю то, что происходит. Ужасная, ужасная коррупция. Поэтому мы голосовали за коммунистов.

Макс смеётся.

МАТЬ. Ой, ну тебя. Паш, ты что, не видишь, что он накуренный сидит?

ОТЕЦ. *(Отмахивается.)* А.

МАТЬ. Ну вломи ему, чтоль? Бьёшь жену — бей и детей.

ОТЕЦ. *(Отмахивается.)* Аа.

МАТЬ. Ой, ну как хотите.

Берёт кусочек сыра с блюда, нюхает.

МАТЬ. Уфф, и тошнит, и есть хочется, что за ночь.

МАКС. Волшебная! Волшебная ночь.

5.

Видеоблог.

САША. Моя мать всегда меня ненавидела. Не в смысле, как мачеха из сказки, гнобила специально или беспричинно наказывала, а просто у себя где-то там в голове тихо и постоянно ненавидела. Между нами с братом она сделала аборт. Так получилось, не знаю, что там произошло на самом деле. Она не разговаривает с бабушкой, с папиной стороны, сколько себя помню. Слышал только, как во время ссоры кричала отцу “Она убила моего ребёнка, она убила моего ребёнка”. Бабушка-то нормальная так вообще, переживает, что, считай, двадцать лет невестка её игнорирует, но тоже без пояснений, плачет только, когда опять приезжаем без мамы. Макс говорит, что денег тогда совсем не было, но что он помнит? А я родился, она уже салон парикмахерский открыла, и, наверное, не до меня было. Вот того ребёнка мама любила, а меня нет. Самое первое воспоминание: она в ночнушке, кормит меня из бутылочки, а я упрямясь и не пью, и она бросает её в стену. Бутылочка разбивается, молоко течёт по стене, мама сползает в эту лужу и рыдает. Потому что тот, другой, он бы не упрямялся и пил. А она в этой ночнушке дурацкой сидит и рыдает, и запястья у неё самые красивые на свете, я в этот момент влюбился в неё безумно.

Больница. Коридор. Кафель. Макс сидит на лавке, крутит в пальцах зажигалку. Мать ходит из стороны в сторону, стучат каблук. Они переживают и ждут.

Подходит Врач. Макс резко встаёт.

ВРАЧ. Здравствуйте.

МАКС. Мам.

Она оборачивается, замечает Врача, идёт к нему быстрым шагом.

МАТЬ. Почему так долго?

ВРАЧ. Я дежурный вра... А, это вы.

Он разводит руками. За шаг до него она внезапно останавливается.

МАТЬ. Молчи.

ВРАЧ. Я вынуж...

Она даёт ему пощёчину. Он держится за покрасневшую щёку.

ВРАЧ. Совсем сдурела?!

МАТЬ. (Максу) Этот тот самый гандон, представляешь? Который меня штопал.

ВРАЧ. Послушайте...

МАТЬ. Не хочу тебя слушать. Ты понимаешь, у меня шрам останется? На лбу? На самом видном месте? А мне чёлка не идет, ты придурок. Я дома всё рассмотрела!

Всё это время Макс пятится назад, оседает на лавку, сжимает лицо в ладонях.

ВРАЧ. Я не поним...

МАТЬ. Ты меня не беси! Я добьюсь того, что тебя уволят! Халтурщик! Совести у тебя нет!

Врач хватает её за плечи и встряхивает.

ВРАЧ. Да вы мне сказать дадите?!

МАТЬ. Голова кружится.

Её ноги подкашиваются, Врач подхватывает её под локоть, она всхлипывает и выпрямляется.

МАТЬ. Руки убери.

ВРАЧ. Я медсестру позову, хорошо? Сделает укол, станет лучше.

МАТЬ. А я мужа позову, он тебе морду твою бесстыжую намылит. Руки убрал! Приходит, значит, такой, весь из себя, как с актёрского, я, значит, дежурный врааач...

ВРАЧ. Прекратите цирк и послуш...

Мать толкает его.

МАТЬ. Заткнись!

ВРАЧ. Да что происходит?!

МАТЬ. Заткнись, я сказала! Я не хочу тебя слушать! Ты — скотина! Мразь бессовестная! Как ты жить так можешь? Это же ты виноват! У меня шрам останется! Из-за тебя, ты мразь!

Она бросается на него, пытаясь дотянуться и выцарапать глаза.

МАТЬ. Медицина бес-плат-на-я, а ты денег требовал, ты сглазил его. Пропил уже, да, мразина такая? Он тебе свой доллар отдал, который я ему на счастье подарила. Это ты виноват. Ты!

Макс вскакивает, оттаскивает её, зажимает руки, она выбивается, сползает по стене, тихо рыдает. У неё красивые запястья. Макс стоит и смотрит на неё.

ВРАЧ. Это. Мои соболезнования, короче.

Порывается уйти, останавливается, возвращается. Достает из кармана деньги, выдёргивает зелёную купюру, протягивает Максусу.

ВРАЧ. Возьми.

Макс смотрит на него.

ВРАЧ. На!

Макс забирает. Немного молчат.

ВРАЧ. Там уже готовят. В смысле, попрощаться.

МАКС. Да. Хорошо. Спасибо.

ВРАЧ. Я всё-таки медсестру позову.

Уходит. Макс опускается по стене на пол рядом с всхлипывающей матерью, расправляет доллар, разглядывает.

Продолжение видео.

САША. Мне было, наверное, тринадцать, когда я нашёл её фаллоимитатор. Он был спрятан в ящике с постельным бельём рядом с небольшим мотком верёвки и мыльницей, которые она доставала по особым случаям. Кажется, она часто им пользовалась — он выглядел каким-то потёртым, неновым, китайским, и пах остро, как-то химически, а из-под бежевой краски на выступающих венах проступала чёрная резиновая основа. Батарейки всегда были рабочие, и он смешно жужжал, если покрутить снизу. Он был завёрнут в нежнейшее бархатное полотенчико, о которое было так приятно тереться, и я представлял, что она гладит меня по щеке. Наверное, мы никогда не были ближе, чем когда я ебал себя её любимым резиновым членом, и из-под бежевой краски нашей пуповины проступала чёрная основа. Я не помню, чтобы она когда-либо гладила меня по щеке. Нежность ведь — это проявление любви, а когда любви нет, проявлять — нечего.

6.

За праздничным столом курит Макс. Раздаётся звонок в дверь. Он не реагирует. Ещё звонок.

МАКС. Да открыто там!

Шум из прихожей. Заходит Ваня, в руках у него букет цветов.

МАКС. Ааа. Машенька.

ВАНЯ. Иван.

МАКС. Иван. Ха. Вот скажи мне, Иван, какого хера?

ВАНЯ. Ну, я это, хотел...

МАКС. Вот чо ты мнёшься? Посмотри на себя вообще, чебурашка заднеприводная. С букетиком ещё. Пидор, сука. Голубец.

ВАНЯ. Сам мудака.

МАКС. Вооот, огрызайся. Слушай, а почему ты не открыл ему дверь? Тоже зассал?

ВАНЯ. В смысле?

Макс встаёт и подходит к Ване, смотрит в глаза и объясняет наглядно, с помощью резких жестов. Кажется, что он вот-вот его ударит.

МАКС. Ну смотри. Вот Сашка пошёл к тебе. Ты живёшь на третьем этаже, и он не стал дожидаться лифта, а там на лестнице кто-то употреблял спиртные напитки, без стаканчиков даже, остались бутылки, пиво, водка, какие-то ещё наполовину полные, праздник был в разгаре. Сначала докопались по поводу сигарет, ну я так думаю, пачка лежала этажом ниже, провалилась между перилами. Потом слово за слово, и начали бить. Разбили нос, губу, не сильно, пугали просто. Ему нужно было кричать, но это ж Саша, ему было “стыдно”. Да и не помогло бы, почти утро, праздновать закончили все и мертвее его спали. И потом что-то пошло не так, хер знает. Он когда дополз до этажа и стал в двери стучать, никто не открыл, не услышал что ли или слабо очень, а до звонка он не дотягивался, встать не мог: они раздавили пивную бутылку и осколки вбили ему в поясницу, в почки. Он совсем не сразу сознание потерял. Люди спускались из гостей, увидели кровь какую-то, как он полз, скорую вызвали. Он и в твою дверь стучал. Ты это хотел узнать?

Ваня старается держать лицо, но получается криво.

ВАНЯ. Я не услышал. Я спал. Я вина выпил ещё. Я не знал, что он придёт.

Макс подносит руку к лицу Вани, тот дёргается, но перехватив импульс избежать удара, замирает, зажмурившись. Макс проводит большим пальцем под глазом Вани, стирая слезу, разглядывает мокрую подушечку пальца.

МАКС. Как баба.

Ваня не отвечает. Макс садится за стол.

МАКС. Родители твои где?

ВАНЯ. С друзьями, за городом, до третьего.

МАКС. Они нормальные?

ВАНЯ. Нормальные.

МАКС. Ты им позвонил?

ВАНЯ. Нет.

МАКС. Позвони.

ВАНЯ. Что я им скажу?

МАКС. Скажешь, друг просто, того. Садись, ну. Извини, короче, что наехал. Башка не належке.

Ваня садится.

МАКС. Ты голодный? Тут всё засохло, правда.

ВАНЯ. Нет, спасибо. Вот... Вроде на похороны приносят, но я подумал, что может...

Протягивает букет.

МАКС. Ты чо, это ж зашквар. Шучу. Давай сюда.

ВАНЯ. Мне кажется, сейчас не время для шуток.

МАКС. Да, но ты ревёшь, а я не реву. Кому лучше?

Макс суёт цветы в кувшин фильтра для воды.

МАКС. Волшебно. Маме понравится. Она это, спит.

ВАНЯ. Мне сашкин ноут нужен. Я за ним вообще пришёл.

МАКС. Ноут? Нафига?

ВАНЯ. Можно? Пожалуйста.

МАКС. Ну там вон. Он че, завещание оставил что ли?

Ваня приносит ноут.

ВАНЯ. Можно и так сказать. Хочу тебе показать кое-что. Сек, сейчас найду. Вот.

Видеоблог.

САША. Какой-то я вредный сегодня, неприятный, едкий. Ходил к школьному психологу, ей не до меня, сунула анкету для профориентации. Вопросы тупейшие. “Говорили ли в вашей семье о том, какими путями можно получать профессию?”. Вот серьёзно, так и сформулировано. “Есть ли у тебя дело, которым ты занимаешься с интересом, желанием?” Я загуглил и прямо написал: см. статью 132 УК РФ. Это которая мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия бла-бла либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Психолог сказала, что я несерьёзно отношусь к выбору своего будущего. Но ведь это правда. Это моё хобби. Я вообще про отца хотел сегодня рассказать, элемент номер два, но это типа связано. Начнём с того, что всегда было

чёткое деление — мужик или баба. Если отцу нравилось то, что я или брат делаем, то он говорил: “Мужиик!”, если не нравилось, то “Ну чё ты как баба”. Он не наказывал и не хвалил, просто бросал в тебя либо то, либо другое. Я чаще был как баба. Брат даже однажды назвал меня полупокер, интересное слово, да? Покер — это когда держишь лицо и не выдаёшь себя, а полупокер это, наверное, когда вроде и видно, но точно пока не знаешь. В детском саду меня сфотографировали с куклой на коленях, а не с машинкой — вот они точно знали, что ли? На даче я наряжался в занавески и изображал почему-то Софию Ротару. Дрался с девчонками как лучшая подруга, всерьёз и больно. Отец, при этом, не обращал на меня внимания особо, что странно, потому что он-то мужик, а я типа как баба, ну! Шучу. Так вот, УК РФ. Когда у тебя нет друзей, с которыми может случиться взаимное открытие Америки, получается, что вокруг только люди, которые никогда по своей воле не разрешат себя потрогать, точнее, которых ты никогда даже не попросишь, так-то может и разрешат, мало ли. Поэтому делаешь без спросу, нарушаешь границы дозволенного. Папа был пьян и спал со мной на разложенном диване после очередного скандала. Я не мог заснуть. Осторожно погладил его по верху трусов — никакой реакции. Через минуту я уже просунул руку под резинку и смотрел на его приоткрытый рот, который хотелось целовать, несмотря на запах алкоголя и сигарет. Зачем-то вспомнил племена каннибалов, и подумал о том, что вкусив плоти другого человека, ты впитываешь его силу, и если бы он когда-нибудь кончил мне в рот, я стал бы, наконец, настоящим мужчиной. Не пугайтесь, я больше ничего не сделал. Это всего лишь был первый член, которого я дотронулся. Потом были и другие. Одноклассник, оставшийся на ночь после фильма. Коллега отца, заночевавший после дня рождения. Поверьте, многих из вас лапали во сне. Такие как я. Серийные насильники. Я никогда не дотрагивался до брата, его...

Макс захлопывает ноут на полуслове.

МАКС. Что это за херь?

ВАНЯ. Это не херь, это Сашка снимал. Он страницу сделал и выкладывал анонимные видео, как дневник, там много их. Я сам не знал, он только вот ссылку кинул, до, ну, нового года — сказал, что типа закончил, и мне можно посмотреть.

МАКС. И чо?

ВАНЯ. Капчо, Макс. Ему угрожали из-за них. Мне кажется, это специально было, ну, вчера. В смысле, не случайно.

МАКС. И кому это интересно? Детский сад какой-то, дневник, видео.

ВАНЯ. Нет, реально. Там десятки тысяч просмотров. Я посмотрел, кто комментарии с угрозами оставлял и кто из нашего города. Большая часть просто тролли тупые. По-хорошему, надо смотреть в личке ещё, но у меня пароля нет. Потому и нужен его ноут. Понимаешь?

МАКС. Ага, здравствуй, Шерлок, не узнал. Там папан всем этим занимается. Не до этого мне.

ВАНЯ. В смысле? Ты не хочешь узнать, кто виноват?

МАКС. В неподходящее время в неподходящем месте оказался неподходящий человек. Случайность, как и вообще всё остальное. Всё, что случилось, от нас уже не зависит.

ВАНЯ. Ты дурак? Это конкретные люди, и конкретно твой брат, не кто-то там. Нужно, чтобы такого больше не повторилось. Мне что, аргументы какие-то нужно приводить? Не очевидно?

МАКС. Дать тебе номер отца или что?

ВАНЯ. Я не могу ему это всё показать. И ты не показывай. Пожалуйста. Это... Ну. Они не поймут же.

МАКС. А заявлять на семейном празднике, что в очко долбишься, типа облегчает понимание? Типичные пидорские штучки, в лицо этим всем своим блевануть.

ВАНЯ. Типа облегчает, вообще-то. Я ничего не говорю родителям, но потом обязательно скажу. Когда поступлю в универ, уеду, обживусь, работу найду. Жилищно-финансовая независимость. Чтобы санкций не было, если что.

МАКС. А говорил, они нормальные.

ВАНЯ. Ну ты же заметил, что я ссыкло. Видимо, не ошибся.

Тянется за ноутбуком, Макс отодвигает его.

ВАНЯ. Дай. Пожалуйста. Ноут.

МАКС. Что будет, если не дам?

ВАНЯ. *(Замнувшись.)* Я буду вынужден тебя ударить.

Макс смеётся.

МАКС. Так-то лучше.

Отдаёт ноут, Ваня копается в нём.

ВАНЯ. Не лучше. Мне кажется, через пару дней я буду реально, ну, плакать. Но не сейчас. Блин, он тут разлогинен. Ща, через почту попробую. Я должен разобраться во всём. Для меня всё сейчас стрёмно. Я понимаю, что должен хотеть лежать у стенки или ещё что-то. И поэтому хорошо, что родители уехали и не знают, что в подъезде, ну, такое случилось — они бы окружили меня заботой какой-нибудь, заперли. С почтой тоже проблемы. Ща, забыли пароль, ага. Отлично, допотопная почта с секретными вопросами, ха, чтобы телефон не привязывать. Тааак, мхм, готово. Вот ты знаешь его любимую книгу? Или любимое блюдо?

МАКС. Какая разница?

ВАНЯ. Нет, ну реально, какое у него любимое блюдо?

МАКС. Я не лез в его жизнь.

ВАНЯ. Вот видишь. Только близкий человек может взломать твою почту.

МАКС. А я типа не близкий.

ВАНЯ. Посмотри все видео. Он там и про тебя говорит. У него даже имя пользователя тут —“mybigbrotherscock”.

МАКС. Это чо, мой большой брат — петух, в смысле?

ВАНЯ. Нет, это... Неважно, короче. Я ему ближе, чем ты.

МАКС. А ты, я смотрю, вообще всё знаешь лучше всех.

ВАНЯ. Может и знаю.

МАКС. Думаешь, Сашка — святой? Он полон говна, как и все остальные. Маньяк мелкий с мерзовидосиками, чисто к примеру.

ВАНЯ. Может и так. Но он с говном этим пытался справиться, в отличие от остальных.

МАКС. Дружок, говно каждый день появляется новое, живые ж люди. С потоком не справиться.

ВАНЯ. Он бы справился. Даже если бы пришло время сдаваться, он бы рванул, и исправил бы всё. И я хочу попытаться, и сделаю, что смогу.

МАКС. Чо ты так печёшься-то? Ты просто его первый, понимаешь? Не ты ему конкретно нравился, а вот само явление, что так можно. А оно проходит. Он просто тренировался на тебе, как на кошке. Ну окей, даже влюбился может, но ты всё равно манекен, мишень для опытов, тренажёр, на котором он упражнения делал. Он тебе не доверял даже, раз видео свои эти не показывал. Видимо, попробовал разок приоткрыть крышку на ведре со своим говном, ты и испугался.

ВАНЯ. Да пошёл ты.

МАКС. А говоришь, я его совсем не знаю.

ВАНЯ. Не знаешь. Мы вместе уехать хотели. Может, это было бы навсегда.

МАКС. В твоём возрасте у меня каждая тёлка была навсегда. Потом понимаешь, что хуже навсегда ничего нет. Потом вы просто ненавидите друг друга.

ВАНЯ. Почему ты так ко мне, а? Я что-то сделал не так? Или вы все такие? Ёлки эти ваши.

МАКС. Иди вскройся, бедный.

ВАНЯ. И да, в его видео есть странные вещи, которые он мне не говорил. Но я бы их понял, и я сожалею, что не услышал их от него самого. А ты никогда не поймёшь. Для тебя это всего лишь говно.

МАКС. Так оно и есть, не видишь? Он тебе не доверял и ничего не говорил, сам же вот.

ВАНЯ. Он пришёл ко мне на нервах, в эйфории. Сказал, что теперь не боится, и показал эту свою страницу. Это — доверие, рано или поздно. Может, это тебе не нужно было говорить и показывать. Придумать какую-то легенду, чтобы забрать ноут, и всё.

МАКС. Ну и сделал бы так. Нафига детективы. Это случилось и хватит.

ВАНЯ. Так не бывает. Ты же брат, ты должен.

МАКС. Кому я что должен? Тебе?

ВАНЯ. Ты ходил туда, в подъезд, и смотрел.

Макс не отвечает.

ВАНЯ. Ладно, пойду тогда, что ли. Тут в личке полторы тысячи непрочитанных сообщений, надо все шерстить. Дома посмотрю, пароль я новый сделал.

МАКС. Вали.

ВАНЯ. И ты глянь, ладно? Тут открыто.

МАКС. Канеш. Иди уже.

ВАНЯ. Спасибо за ноут. И что поговорил со мной.

МАКС. Я не разговаривал.

ВАНЯ. Ладно. Передай...

МАКС. Ага. Проснётся, передам. Иди. Хороший мальчик.

Ваня уходит. Макс некоторое время сидит и курит. Не удерживается, вскакивает, надевает куртку, выходит, хлопает входная дверь.

7.

Видеоблог.

САША. Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои... Какая трусость. Знаете, почему я сижу без лица и записываю видео ночью, когда чувствую, что вокруг темно? Потому что каждое утро я просыпаюсь и ненавижу себя, и за день мне почти удаётся себя убедить в том, что я не такое уж говно, и что могу не молчать. Нужно ли мне в чём-то убеждать вас? Вы сидите, смотрите на меня, потом думаете, говорите, пишете такие вещи, что я не могу не относиться к вам с какой-то дикой нежностью. Я же нахожу вас везде, листаю ваши страницы, смотрю в глаза на этих сэлфи, слушаю ваши любимые песни, читаю не слишком остроумные комментарии под постами друзей, и вы такие вот все нормальные люди, а, чистые в делах и помыслах. Может быть, вы —

такие же чудовища, как и я. Вы хотите, чтобы меня не было. Обезглавить, обоссать и сжечь. Вам приятно это желание, да? Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изречённая есть ложь. Вы как лейкоциты набрасываетесь, липнете, пытаетесь уничтожить. Значит, я опасен? Значит, я не так уж слаб и бесполезен, как можно было бы думать? Вы делаете меня сильнее, а я делаю сильнее и опаснее вас. Взрывая, возмутишь ключи, — питайся ими — и молчи. Лишь жить в себе самом умей... Я не болезнь. Я лишь повод посмотреть на себя самих внимательно. Сделайте это. Обезглавьте. Обоссыте. Сожгите. Что угодно. Сделайте то, что нельзя. Проверьте мир войной. Выйдите за правила, только тогда вы увидите, какие из них имеют смысл, а что нужно изменить.

Тем временем, где-то. Макс делает укол, закрывает глаза и откидывается назад, рука расслабляется. Саша садится рядом.

8.

Из спальни выходит Мать. Помятая, без косметики, и от этого ещё более красивая; бинты сменились пластырем на лбу. Она наливает большой стакан воды, садится, медленно пьёт.

Хлопает входная дверь, входит Отец в форме участкового, которая стала ему немного мала — комичный, суетливый Карлсон.

ОТЕЦ. Все на ушах, я на телефоне и бегаю, только перекусить и помыться зашёл. Даже Тихонова подключил, помнишь его? Он же в Москве сейчас. Из центра ещё народ приехал, из лаборатории. Экспертизы, отпечатки, как в кино.

В процессе разговора он ковыряется в засохшей еде на столе, набирает что-то на бутерброд, жуёт. Она молча допивает воду.

ОТЕЦ. Поспать тебе нужно, отдохнуть.

МАТЬ. Я не устала. Пошла, воды выпила, сейчас пойду, лягу — от чего здесь можно устать?

ОТЕЦ. Головой устала. Лежишь, думаешь, тоже работа, тоже труд.

МАТЬ. Всё перетрут. До самого основания. И ничего не останется. Зачем это всё было, а?

ОТЕЦ. Что зачем?

МАТЬ. Ну вот это всё. Зачем ты меня привёз сюда? Всё грязное. И семнадцать лет зачем?

ОТЕЦ. Ну как зачем. Чтобы было.

МАТЬ. Шутишь, да?

ОТЕЦ. Ну а что я могу тебе ответить? Вот правда? Что я могу тебе ответить? Я могу рассказать о чём-то, что знаю. А тут не знаю. Зачем. Да низачем. А если бы ещё семнадцать лет было? И ещё? То зачем?

МАТЬ. Я бы тогда раньше умирала, и было бы, кому стакан воды подавать.

ОТЕЦ. Ничего, мы этих тварей найдём и накажем.

МАТЬ. Лаборатория, значит. Движуха. Найдём и, значит, накажем. Интересно тебе. Любопытно. Классно! Вкус к жизни почувствовал. Занят он, наконец, поглядите на него.

ОТЕЦ. Я же тут всех знаю, меня знают, дверь мне открывают, рассказывают, пригодился. Свидетели может, ну ты же понимаешь. Кто в подъезде живёт, кто на улице был, может видел кто что. Это же целый процесс, там много делать надо. Разыскные работы. Вот и делаю.

МАТЬ. А я, значит, не делаю. И прока от меня нет.

Бросает в него стакан, из которого пила воду. Стакан отскакивает и гулко падает на пол, не разбившись.

МАТЬ. Я тебе сколько раз говорила, с немытыми руками к столу не подходить!

ОТЕЦ. Да что ты опять накручиваешь! *(Пауза.)* Может бы он и не пошёл никуда, если б ты не орала.

МАТЬ. Тебя я тоже не заставляю здесь оставаться. Буду одна. Полежу. Потом посижу. А ты занимайся, действуй, делай, что там можешь.

ОТЕЦ. Ну вот и хорошо. Каждому своё. Ладно, пойду освежусь.

Уходит.

МАТЬ. Каждому своё. Каждому своё. Кесарю кесарево, смертному смерть. Было-было-было-было, но прошло, о-о-о, о-о-о.

Приносит и надевает резиновые перчатки и начинает убираться, напевая.

МАТЬ. Было-было-было-было, но прошло, о-о-о, о-о-о.

9.

Видеоблог.

САША. Есть эксперимент философский под названием “Комната Марии”, красиво звучит. Мария изучает, как мозг воспринимает цвета, всю жизнь находясь в чёрно-белой комнате. Она знает всё о цвете: длины волн, какие нейроны передают какие сигналы от глаза к мозгу, и что с ними потом там происходит. Она знает всё о цвете, но даже её монитор — чёрно-белый. И как бы суть этого мысленного эксперимента — ответить на вопрос, знает ли она, что такое красное, если красного она никогда не

видела, и узнает ли она что-то новое, если выйдет из комнаты в реальный мир и откроет глаза. Я вот знаю всё про секс. У меня цветной плоский экран на ноуте с доступом в инет, а на кухне стоит старая видео-двойка, в которой можно проиграть пыльную кассету из верхнего ящика шкафа родительской спальни. Родительские кассеты — это как Билли Холлидэй на виниле, зачётно. Там два фильма. Один называется “Как хорошо подглядывать”, и лучше него ещё ничего не сняли, там люди любят друг друга и получают удовольствие от этого, так бывает, и за ними наблюдают те, кто пока не может любить, и им тоже хорошо. А второй называется “Плохие жёны”, и это страшный фильм, где люди, наоборот, друг друга не любят, и удовольствия нет, потому что, ну, им не трахаться бы надо, а лечиться. Там красивой такой, с грудью, рыжей домохозяйке изменяет муж, с секретаршей. Она застучала их прямо в офисе, вышла из бизнес-центра, села на скамейку, достала из сумочки кусок мыла и стала его грызть. Секс, в принципе, как-то так и выглядит со стороны: либо любовь, либо заполнение пустоты мылом. Я знаю всё про секс, хоть у меня его никогда и не было. Эксперимент с Марией заканчивается, по-моему, грустно: она выходит из комнаты, открывает глаза, ощупывает всё взглядом, и не может сдержаться и не расплакаться. Красное — оно какое-то бедненькое, по сравнению с тем, как Мария его представляла. Она берёт красное мыло в руки и грызёт его. Ну это по-моему, это же мысленный эксперимент.

10.

Комната Макса, он спит. Входит Катя, садится рядом, гладит его по волосам. Он переворачивается на спину. Она растёгивает молнию его худи, обнимает, ластится.

КАТЯ. Мне вчера приснилось, что я расстегнула у тебя на груди молнию, а внутри там вата, как у плюшевой игрушки.

МАКС. Стекловата там.

КАТЯ. Нет, обычная.

Пытается его поцеловать.

МАКС. Кать, мне не до этого сейчас.

КАТЯ. Я понимаю.

МАКС. Ничего ты не понимаешь. Я знаю, кто Сашку убил.

КАТЯ. Уже нашли их? Хорошо как.

МАКС. Не нашли. Ваня этот его расследование устроил... Сложная история. Давай не будем, короче.

КАТЯ. Мне он понравился, мальчик этот, не испугался вас. Ну, и что?

МАКС. Ничего. Не знаю, что делать.

КАТЯ. Знаешь. Все всегда знают, что делать. Миллиарды вариантов, что делать и как делать, но ты всегда знаешь правильный, просто знаешь. Ты человек, сложившийся, у тебя есть взгляды, принципы, у тебя нет выбора.

Он не отвечает.

КАТЯ. Я чувствую, что будет мальчик. Давай назовём его Саша? Да и если девочка, тоже.

Он не отвечает.

КАТЯ. Прости.

Он не отвечает.

КАТЯ. Что молчишь?

МАКС. Молчи, скрывайся и таи... Не хочу разговаривать.

КАТЯ. Ну почему?

МАКС. Потому что мне придется говорить правду, а я не хочу. Не хочу врать, следовательно, не хочу разговаривать.

КАТЯ. Правду?

МАКС. Катя, мне нужно, чтобы всё было попроще. Очень нужно.

Катя отстраняется.

КАТЯ. Ясно.

МАКС. Ты можешь сделать это для меня?

Она задумывается на секунду.

КАТЯ. Ты мразь, Максим. Когда я на тебя смотрю, мне часто не нравится, что я вижу, но я продолжаю смотреть, до рези в глазах. И я хочу твоего ребёнка, правда, хочу, я не буду делать аборт. Потому что ты не плюшевая игрушка, и внутри у тебя не вата, и если я не могу достать это из тебя, то хотя бы возьму и выращу заново.

МАКС. А если я сделаю что-то плохое? Отвратительное? Страшное? Потому что у меня нет выбора? Потому что я вроде как должен?

КАТЯ. Я не перестану тебя любить.

МАКС. Какая же ты дура. Сама подумай, за что?

КАТЯ. Если буду над этим думать, то разлюблю, может. Лучше не думать.

МАКС. А я подумал уже, понятно? Любить можно только мёртвых. Они целиком в твоей голове помещаются, они бессильны, ты их понимаешь и они не могут сопротивляться. А тебя я не понимаю. Ты просто дура, давалка, которая по припизди своей приезжала ко мне в тюрьму и залетела. Что здесь сложного?

КАТЯ. В тебе говорит утрата.

МАКС. Да что же ты реально дура-то такая? Ты ничего не знаешь. Ничего. Никто ничего не знает. Всё случайно. Всё.

Катя опять ложится ему на грудь.

КАТЯ. Тихо, тихо. Как-то же живём.

МАКС. Ага, по накатаной.

КАТЯ. Разве это плохо, продолжать жить как живётся? Как уже получается? Делать дела так, как дела делаются.

МАКС. Если б я хотел так жить, то женился бы на тебе, как мужик, да? Вы ведь все успокоиться не можете без этого. Папаня тоже вот постоянно капал, а уж сейчас-то тем более.

КАТЯ. Мне, безусловно, нравится эта идея. Большая свадьба, торт. Сказочный другой мир. Что бы ещё в нём было, расскажи?

МАКС. Ха. Ну ок. Я бы закончил универ. Работал бы сейчас. Лечил. Помогал. Впаривал бы людям легальные вещества.

КАТЯ. Смешно, расскажи ещё...

МАКС. Нет, Кать, достаточно.

КАТЯ. Хорошо. Но папу слушай, он хороший.

МАКС. Давай не будем.

КАТЯ. А Тамара денег мне даёт. Обещала взять к себе в салон.

МАКС. Она тоже называет меня мразью.

КАТЯ. Ну ты же знаешь, что сыновья всегда выбирают жён, похожих на своих матерей.

МАКС. Повезло, что я не дочь. Они своими матерями становятся.

КАТЯ. Ты меня рассматривал когда-нибудь? Может быть, я действительно похожа.

МАКС. Ну да, такая же дура.

КАТЯ. Зря ты так. В самой худшей ситуации у тебя не остаётся ничего кроме семьи.

МАКС. Жаль.

КАТЯ. Макс, твоё прошлое, оно закончилось, вообще-то. Прости их, что ли.

МАКС. Знаешь, почему я хотел стать врачом? Потому что все люди — мясо. Мясо очень легко простить, и очень легко перестать испытывать к нему хоть что-то. Кроме аппетита иногда.

КАТЯ. И я мясо?

МАКС. И ты мясо.

Макс переворачивается, теперь он сверху Кати.

МАКС. Что если сейчас я очень-очень сильно ударю тебя в живот?

КАТЯ. То я потеряю ребёнка.

МАКС. Я так хочу этого. Ты всё ещё будешь моя?

КАТЯ. Перестань.

МАКС. Отвечай.

КАТЯ. Ты не ударишь. И поэтому я твоя.

МАКС. Ты ж моя котлетка.

Макс громко чмокает её в щёку, встаёт и одевается.

МАКС. Катя, если не вернусь, скажи, что я уехал добровольцем на Украину или где там ещё, чтобы не искали нормально.

КАТЯ. Ты хочешь сбежать? А я?

МАКС. А ты переживёшь. Ты всех нас переживёшь.

11.

Видеоблог.

САША. Вот хуй. Очень интересный объект. Пугающий. Опасный. Хуй — это не пися, хуй — это когда стоит. У женщин глаза звериные, а у мужчин — хуй. Любой Фредди Крюгер, выпрыгивающий из-за угла, любой Чужой, вынырывающий из груди астронавта — это хуй. В фильме “Челюсти” хуй большой, белый и плавает, у него триста зубов в шесть рядов, это завораживает. Анна Каренина бросилась под хуй. Президент — хуй. Кавказцы на углу — волосатые обрезанные хуи. У кондукторши в трамвае хуй побольше твоего, она пожилая женщина, она и зубы выбить может. У тебя под кроватью в детстве жил хуй. А когда умерла соседка, тебе приснился хуй с острой металлической косой. Меня интересует только один хуй в этой вселенной. Элемент номер три, хуй моего старшего брата.

Какая-то неубранная квартира. В углу стонет Тоций, руки и ноги связаны. Его лицо в крови. Привязанная к стулу Жирная сидит в центре комнаты как на троне, абсолютно спокойная и с улыбкой Моны Лизы на губах. Макс раскладывает шприцы на столе и суетится с веществами.

ЖИРНАЯ. Ты такой жалкий, что тебе нельзя даже заходить на территорию детского сада. Ребятишки чувят слабаков. Они поймают тебя, отпиздят до смерти, посадят твой

труп сиднем и спелят вокруг снеговика. Тебя никто не будет искать, и тело обнаружат только весной, настолько ты жалкий.

Макс подходит к ней и бьёт по лицу.

ТОЩИЙ. Слышь, ты чооо?

ЖИРНАЯ. Всё, я мироточу, сейчас стул намокнет. Раздраконился? Хочешь ударить меня ещё раз? Только сильнее.

Макс плюёт ей в лицо. Жирная вытирает щёку о плечо, рассматривает след.

ЖИРНАЯ. Блин, тушь потекла.

Макс достаёт из кармана телефон.

МАКС. Звони ему ещё раз.

ЖИРНАЯ. Ага, ща, сиськами наберу.

МАКС. Чо?

ЖИРНАЯ. Что ж ты так волнуешься-то, как на ЕГЭ по математике.

Дрыгает связанными руками.

МАКС. А. Блин. Как?

ЖИРНАЯ. Ну в последних-то посмотри, Лошок он там записан.

Макс копается в телефоне.

МАКС. Чо, такой хороший друг?

ЖИРНАЯ. Да какой друг. Прибился. За нами таскается да по мелочам его гоняем за подачки, у него бабосики на пивасик отсутствуют как феномен, а жить хочется. Коооть, мне ещё кажется, он на нас дробит! Я спалила один раз, как подглядывал.

Тощий стонет.

ЖИРНАЯ. Пропал вообще куда-то, ну, после этого всего.

Макс прикладывает ей телефон к уху, идут гудки.

МАКС. Он Сашке сообщение написал. Потом. С извинениями. У него там больше друзей-то нет особо.

ЖИРНАЯ. Ссучёныш, а! Коть, слышишь? Я ему... *(В телефон:)* С хера ты трубку не берёшь? Ну-ка пришёл сюда. Не волнует. Какую нахер клизму? Я тебе самому щас сделаю, из глаз хлестать будет. Я сказала, не волнует, и тебя это тоже сейчас перестанет волновать. Пришёл сюда!

Отталкивает телефон подбородком.

МАКС. Отлично. А теперь я буду вас убивать.

Идёт к столу, берёт шприц.

ЖИРНАЯ. Это ты хорошо придумал с передозом, качественно. Никто не будет разбираться. Померли и померли. Чур, я первая.

МАКС. Договорились.

Он встаёт на колени и втыкает иголку ей в вену на сгибе локтя. Она взвизгивает, дёргается.

ЖИРНАЯ. Ты охуел?!

Тощий выгибается зверем.

ТОЩИЙ. Ты чо? Ты чооо? Кису не троожь!

Он комичной гусеничкой пытается подползти к стулу, на котором сидит Жирная.

ТОЩИЙ. Не трожь Кису!

Макс начинает ржать, всё больше и больше поддаваясь смешинке, и больно пинает Тощего.

МАКС. Киса! И Котя! Котя! Аххаха! И Киса!

Пинает Тощего ещё сильнее, задыхаясь от смеха, почти истерически. Роняет шприц на пол.

ЖИРНАЯ. Хватит!

Остервенело пинает ещё. Тощий теряет сознание.

ЖИРНАЯ. Слушай! Слушай меня: братишку твоего необходимо было кончить. Необходимо!

МАКС. Чо?

Перестает смеяться.

ЖИРНАЯ. Ты думаешь зачем он видео свои делал? Он нарывался. Он хотел этого. Он суицидник. И нас ни в чём винить не нужно!

Макс хватается её за шею и заносит кулак.

ЖИРНАЯ. Он же даже выстрелить не смог!

Макс опускает руку. Она указывает подбородком на картонные коробки с одеждой в стороне.

ЖИРНАЯ. Вон там, в углу, в тряпках. Да не ссы.

Макс копается и достаёт из коробки пистолет.

ЖИРНАЯ. У него ствол был. Он достал, я чуть в трусишки не припустила, а он смотрит на нас так, снизу вверх, с пола, ручонкой своей водит и дышит, водит и

дышит, и чо делать? А ручонка трясётся. С предохранителя снял, водит и дышит, водит и дышит. А тут взял и опустил.

Макс наводит на неё пистолет.

ЖИРНАЯ. Это его выбор был, раз не выстрелил! Он даже улыбаться начал. Мы же не хотели ничего такого, мы прикалывались просто, я весь вечер хотела на охоту, набить лицо кому-нибудь, мы специально в подъезд пошли, а тут он, зайчик такой, я просто отобрала у него телефон, разлочить заставила, он так на меня посмотрел, а там видео, я поржать думала, а прям вот взбесилась, мы наказывали просто за гонор, ты же понимаешь, нельзя так, у меня выбора не было, ты же сам сюда пришёл, потому что должен, у тебя нет выбора, ты же понимаешь.

МАКС. Действительно, нет.

Взводит курок.

ЖИРНАЯ. Всех пидорасов же нужно убить, из жалости, от доброты, они не готовы к этому вот миру, подождать лет двести-триста, тогда можно, не сейчас, может быть, через двести, через триста лет все будут пидорасами.

МАКС. Да тебе какое дело было вообще?

ЖИРНАЯ. На ютубе штуку видела про воду на морозе, которая не замёрзла, а потом по бутылке бьют, и она сразу в лёд, вот для меня это ровно такой щелбан, стала как настоящая, я зажила в этот момент, я живая, котик, я живая! Живая!

МАКС. Сейчас мы это исправим. Киса.

Сопливый трясущийся Лошок, прятавшийся у порога, появляется на свет.

ЛОШОК. Не надо, пожалуйста!

МАКС. Сюда иди.

Переводит дуло на него.

ЛОШОК. У меня бабушка, она не выдержит, пожалуйста, не надо.

МАКС. Я тебя типа пожалеть должен?

ЛОШОК. Пожалуйста, я ничего не делал, я только стоял рядом, он сам хотел, я видел.

МАКС. Да что вы несёте все? Какая на хуй бабушка?

ЛОШОК. Моя бабушка, моя, у неё больше никого, пожалуйста.

Тощий стонет.

ЖИРНАЯ. Я хотела угостить его пивом, а пришлось убить.

ТОЩИЙ. Мне больно, больно мне, ох, больно.

ЖИРНАЯ. Я же не голову ему проломила, я дала ему шанс, жизнь, Дарвин, эволюция, он сам так хотел, я же видела.

ЛОШОК. Я только рядом стоял, я только видео хотел посмотреть, у меня такого телефона нет, он сам хотел, я видел, я не делал ничего.

Постепенно начинают говорить все одновременно. Макс от боли хватается за голову.

ЖИРНАЯ. Если бы ты хотел, действительно хотел, ты бы пришёл, пырнул ножиком и делов, а не все эти приготовления, мы убили его, теперь ты должен убить нас, я так тебя ждала, так ждала тебя...

ТОЩИЙ. Киса! Киса! Кис! Киса! Мама! Киса! Киса! Мама! Киса!...

ЛОШОК. Пожалуйста, я же извинился, я же попросил прощения, пожалуйста, я же выразил соболезнования, пожалуйста, пожалуйста, я сочувствую, пожалуйста...

МАКС. Ссука, ссука, сука, сука, сссука, сука, блять, сууука...

Пошатываясь, Макс идёт в сторону выхода, пистолет вываливается из его рук.

ЖИРНАЯ. Слабак! Убей нас, слабачок! Убей нас! Слабак, убей нас! Слабачок!..

ЛОШОК. Молчи, скрывайся и таи, и чувства и мечты свои — пускай в душевной глубине...

ТОЩИЙ. Господи помилуй раба грешного и спаси погибающие народы России помилуй господи раба России народного и погибающих грешников помилуй господи...

МАКС. Ссука...

Макс выбегает. Все замолкают. Лошок катает носком шприц по полу.

ЖИРНАЯ. Такое же ссыкло, как братишка. (Лошку.) На инструмент не наступи! Там на всех хватит, живём! И прямо такими пойдём.

ЛОШОК. Куда?

ЖИРНАЯ. В ментовку! Танцевать! До последнего танцевать! До последнего мента!

Встаёт, как будто и не была привязана, подбирает пистолет, несколько раз стреляет в сторону и хохочет, стреляет и хохочет.

Продолжение видео.

САША. Я часто представлял, как это будет. Его руки. Запах. Я буду вылизывать его подмышки. Целовать стопы. Он развернёт меня спиной к себе, вопьётся пальцами в шею, заставляя наклониться, он способен быть только груб, и никак иначе, и будет больно, но... (Смеётся.) Блин, это сценарий каждого второго порноролика, на самом деле! Может быть, это вообще — нормально? Он же, ну, такой, красивый, да и так-то его трудно воспринимать как брата. Может быть, как соседа, пока дома был. Секс с

соседом или соседкой — это же все представляли. Вот он мало общается со мной, никогда первый, чаще отмахивается, когда я интересуюсь, как у него дела. Нет, бывает, конечно, что он играет старшего брата, но именно играет, при девчонке там, или с приятелями подкалывает иногда, когда скучно, но сейчас у него и приятелей-то нет. И я вру себе, что понимаю его, какой он, и что с ним происходит, и почему он так бежит туда, где проще, тише, слаще, где подколы и шутки делают тебя менее уязвимым, и тебя вроде бы уже ничего не бесит. Он развернёт меня спиной к себе, чтобы не смотреть в глаза, вопьётся пальцами в шею, заставляя наклониться, ведь он способен быть только груб, и будет больно, и я не увижу его лица, но, когда он кончит в меня, я буду знать, что он плачет. Ему бы это не помешало.

12.

Всё убрано, вылизано, ёлку выкинули. Мать, Отец и Макс пьют чай.

ОТЕЦ. Вот всё и кончилось.

МАТЬ. Да, наверное, кончилось.

МАКС. Ничего не кончилось.

МАТЬ. Да, наверное, не кончилось. Похороны ещё, а потом всё.

ОТЕЦ. Да, потом всё.

МАКС. Ничего никогда не кончается. Только у вас всё должно вернуться в колею.

МАТЬ. Я ещё на все суды буду ходить, в глаза смотреть этим Бонни и Клайду.

МАКС. Ведь это так интересно.

ОТЕЦ. Ты можешь дать нам наконец расслабиться и пережить это всё? Хоть секунду времени?

МАКС. Да насрать. Вы родители, вы и так переживёте. У вас сценарий готовый, похоронить, реветь, пить, торчать перед телеком сутками, жрать как не в себя, отказываться от еды, что угодно — от вас никто ничего не ждёт.

МАТЬ. От тебя тоже уже никто ничего не ждёт. На руки свои посмотри.

МАКС. Дайте мне расслабиться и пережить всё это. Хоть секунду времени.

МАТЬ. Умный, да? Вас что, в Хогвартсе для утырков не учили, что если продаёшь, сам не употребляй?

МАКС. А я долгопуск. Слабачок такой.

МАТЬ. Больше не будет свиданий или отпусков, Максим. Я не буду больше платить.

ОТЕЦ. Вот правильно. Тебе нужна дисциплина!

МАТЬ. Тебе, очевидно, больше не требуется семья, раз за тобой в тюрьме приглядывают, кормят, одевают.

МАКС. Вы сами хотите, чтобы меня не было.

ОТЕЦ. Мы хотим, чтобы ты вёл себя нормально.

МАКС. Как это, нормально? Вот серьёзно, я когда только сел, в камере были одни новички, у всех первая отсидка. Нас быстро раскидали и мы научились, но две недели вшестером в замкнутом пространстве провели, и я знаю, что вот ад — это когда ты с людьми, с которыми не можешь найти общий язык. В тюрьме правила, не официальные, а людские, общие, они не для того, чтобы мучать, а чтобы жизнь облегчить, чтобы всё было проще и понятнее, кто ты и где твоё место. Это самое гуманное, что там можно было сделать. А ваше нормально это как? Родился, жил и умер? Я не понимаю, мам.

МАТЬ. Так ну а что, уезжай, если там всё понятно. Собирай вещи, зачем ждать.

МАКС. Ничего не могу. Даже сбежать от вас не могу. Как дыра чёрная, огромный объект из лжи, пластилина и песка, который не отпускает ничего. Семья.

МАТЬ. Официально тебя отпускаю. Вот те крест.

ОТЕЦ. *(Вполголоса.)* Такой чай испортили.

МАКС. Да признать уже нужно, что все мы ненормальные, что мы — гробницы всякой хуеты, и нам неоткуда ждать помощи. Как будто всё хорошо. Как будто так и должно быть. Как будто жизнь такая и всё. Хуже могло бы быть, да. Но если б хуже, то проще было. Взял бы и свалил, и Сашку увёз, если бы ты вот алкоголичка была, а он вот бычки гасил о темечко ему. Но нет, вы же хорошие такие, интересные. Как будто всё хорошо и будет хорошо.

МАТЬ. Если у тебя сейчас пена изо рта пойдёт, мы скорую не будем вызывать. Да, Паш?

Отец, тем временем, изображает, что потерял интерес к разговору и не слушает. Он играет большими пальцами, бессмысленное занятие.

МАКС. Я хочу пену изо рта. Я хочу встать и задушить вас или зарезать. Стать чудовищем. Я не хочу делать так, как вам нужно.

МАТЬ. Да мало ли чего ты хочешь.

МАКС. Да не знаю я, чего хочу. Не знаю. Помнишь, ты как раз с Сашкой ходила, живот появился, и мы пошли на пруд за городом, в сентябре, вода была ещё ужасно тёплая, приторная, и я плескался довольно долго, а когда вышел, там рядом пришли пьяные, мужчины, женщины, они уходили купаться, а когда вернулись, не смогли найти какие-то наручные часы, сказали, что ты украла. Обступили тебя, держали за руки, за запястья, а ты стояла спокойная такая, и убеждала их, что нужно ещё поискать или что ребята, которые только что ушли, могли взять, и ты увидела меня, посмотрела

в глаза, и я очень испугался, потому что ты там внутри дрожала, и я никогда не видел этого зверька с большими глазами, а вслух ты сказала: “Максим, внимательно послушай, беги за теми ребятами, спроси у них про часы. Они меня бить будут, Максим”, и я побежал, босиком, догнал ребят, никаких часов у них не было, и я не знаю, почему не вернулся и побежал дальше, и почему не плакал, хотя и хотелось, и я бежал куда-то в сторону дома, вроде бы коротким путём, через лес, но лес не кончался, и я бежал, и бежал, и бежал, и бежал, и до сих пор по нему бегу, и никакого дома, и ничего нет дальше, и я как будто со стороны фильм смотрю унылый какой-то до сих пор, в котором ничего не будет больше, а файл всё продолжается.

МАТЬ. Сказка о потерянном времени. Дальше ничего и не было. Пришла домой, позвонила отцу, чтобы к этим сволочам отправили наряд. Они же ничего не сделали, только пугали, и часы эти свои почти сразу нашли, но нужно же было наказать. Ты во дворе играл с мальчишками, смеялся.

МАКС. Как мудака?

МАТЬ. Просто ребёнок. Какое-то копошение в прошлом, зачем? Всё могло быть и хуже. Жить нужно здесь и сейчас, и смотреть в будущее. Уезжай, Максим. Тебе ни о чём не нужно беспокоиться. Катю я к себе пристроила, о ней и о маленьком мы позаботимся.

Макс взрывается.

МАКС. Да не трогай ты её, отъебись ты от неё и от ребёнка моего, что ты когтями своими вцепилась в них?

МАТЬ. Какая же мразь.

МАКС. Отпусти их, мы уедем, Катя уедет...

МАТЬ. Не твой это ребёнок, а мой, понял? Мой ребёнок! А ты вали нахуй и не появляйся больше никогда!

Макс замирает, некоторое время смотрит на неё, затем приносит ноутбук, открывает его перед ней и очень спокойно и даже с некоторой теплотой говорит.

МАКС. На, смотри, что вы с ним сделали. Ты с ним сделала. С твоим ребёнком. Сука.

Уходит.

13.

Видеоблог.

САША. У меня вроде как появился парень. Он вообще из другой школы. Он мне нравится, он смелый и честный. Он очень похож на моего брата, только экстраверт такой. Где-то год я просто лайкал его фотографии, мы никогда не общались, однажды он написал “Привет” и я не ответил. А потом как-то через знакомых в его школе

передал ему шоколадку, какую он любит, с фундуком, и книжку поэта одного французского, Жака Превра, которого он когда-то цитировал, знаете, может, “Память, из чего же она состоит и какой принимает вид, эта память”, крутой очень. Ему на парту положили и он почему-то сразу понял, что это я, и запостил потом в сториз, типа я в парке, и если не заметут за пиво, буду ждать, что ты типа придёшь ответить на мой привет. Ну я и пришёл всё-таки. Он популярный. У нас открытые отношения, я и сам не верю в моногамию. Впрочем, у нас никогда не было секса. Он иногда снимает на телефон, как трахается с другими парнями, для меня, и я могу прикинуть, вот так подглядывая, что хотел бы оказать на их месте, но не могу решиться. Меня тянет к нему, но пока не могу разобраться, что он во мне нашёл. Он ответит, если поставить вопрос ребром, но так ещё страшнее. Мы проводим вместе много времени, с ним хорошо и не нужно торопиться. Он не заставляет ничего делать. Успеется. Такие дела.

14.

Комната Макса. Он лежит на кровати, одетый в чёрное. Слышны голоса, звон посуды, суета. Входит Ваня, тоже в чёрном, закрывает за собой дверь.

ВАНЯ. Привет. Не здоровались утром.

МАКС. Чего тебе?

ВАНЯ. Там может помочь надо как-то?

МАКС. Не знаю.

ВАНЯ. Ни разу не был на поминках.

МАКС. Столько новых впечатлений.

ВАНЯ. Ну я правда только в кино видел, и похороны тоже. Собирается семья, все говорят, как его любили, стрёмно всё как-то.

МАКС. Ну да. Вот знаешь, есть места, где если поймут, что ты немножко не такой, тебя убьют, тебя твои же родные убьют. Не просто концлагеря или что ещё, а твои же. А есть места, где твоя семья начинает убивать тебя ещё до того, как узнает. Потому что они на самом деле знают даже раньше тебя, что ты стрёмный. И ты даже пальцем ткнуть не можешь, что конкретно они делают, но дышать не можешь.

Садится.

МАКС. Не хочу туда идти.

Ваня садится рядом.

ВАНЯ. Давай не пойдём. Тут посидим. Давай, не знаю, удалим все его видео, чтобы в них не ковырялись.

МАКС. Нет, помнить нужно. Это доказательство преступления. Мы его не любили никто так, как нужно было, чтобы он это видел. Чтобы мы хотя бы иногда жертвовали своей свободой — тем, что мы ощущаем свободой, а на самом деле это страх допустить кого-то до себя.

Ваня немного молчит.

ВАНЯ. Ты вообще кому-нибудь когда-нибудь говорил, что любишь?

МАКС. Нет.

ВАНЯ. Вот и я не сказал.

МАКС. Может, ты его любишь только сейчас.

ВАНЯ. Нет, я правда, я... У меня собака летом умерла, я ведь другое совсем чувствовал. Не знаю, как объяснить, чтобы не звучало по-мудацки.

МАКС. Я смотрю вокруг, и никто никого не любит как нужно. Я хочу чтобы вот как тощий жирную любит, как лошок этот бабушку свою. Приколи, они показания так дали, чтобы на лошка ничего не было, они ему как родители, понимаешь?

ВАНЯ. Кто? Это эти, в смысле?

МАКС. Да неважно уже. Сашки больше нет. Сейчас мне первый раз в жизни кого-то не хватает, а его нет, и я не знаю, что делать. И он... Все дневники его эти. Это не я, это не мои слова, не мои мысли, но я продолжаю их думать. Мне так хочется продолжить его как-то.

ВАНЯ. Да, я знаю, я тоже.

МАКС. Если вся жизнь — случайность, то почему всё так предопределено? Это бесконечное ожидание, что пока ты в коконе, снаружи всё само по себе исправится, и страх пройдёт, и можно будет выйти, но в итоге ты просто умираешь от старости, так и не дождавшись ничего. И пусть один человек не может ничего сделать, и два не могут, и три. Но можно ведь начать, возможно же спасти хотя бы одну вселенную? Не хочу, чтобы его история завершилась таким образом, чтобы он как будто проиграл. Я хочу всё сломать и сделать другую картинку из тех же кусочков. Я хочу разрушить правила и собрать их снова.

ВАНЯ. Стать чудовищем?

Макс смотрит Ване в глаза, притягивает к себе и целует в губы, тот отстраняется.

ВАНЯ. Макс...

МАКС. Чтобы спасти вселенную. Последние два элемента. Ты и я.

Ваня колеблется, затем целует Макса.

Макс груб, всё происходит так, как представлял Саша.

Саша сжимает ладонь Вани, они переплетаются пальцами.

Саша гладит Макса по волосам, тот на секунду вскидывает голову и встречается с ним взглядом, Саша улыбается, Макс плачет.

Саша выходит из комнаты. За пределами комнаты ничего не существует.

15.

Видеоблог.

САША. Сегодня будет про последний элемент, весь мир. Никогда не придавал этому значения, но вообще-то первый раз в своей жизни я кончил от прикосновений природы, а не с другим человеком или самим собой. Мне было лет восемь что ли, ещё до полового созревания, когда секса вроде как просто не существует. Я читал, что учёные наблюдали на УЗИ, как плод в животе матери мастурбирует и доводит себя до оргазма, но то явно был не я. Мы с ребятами тогда исследовали всё доступное пространство, и где-то заЖД-вокзалом обнаружили элеваторы, а рядом с ними склады и амбары, полные какого-то зерна. Территория охранялась конной полицией, поэтому пролезать туда было вдвойне интереснее, можно ещё и лошадок посмотреть, но никого обычно не было. Мы забрались в один из амбаров, деревянный, с двумя высокими воротами, которые распирало изнутри зерном, там энергии было больше, чем в атомной бомбе, а вдруг как оно проснётся и разом прорастёт. Сначала мы просто барахтались, бросали друг в друга горсти этого зерна, набирали в рот и бурно выплёвывали, как киты, хотя оно и грязное было, пыльное, а потом, не сговариваясь совершенно, разделись и голышом купались и закапывались в океане этой радиоактивной энергии, и тут-то благодать и наступила, как есть скульптура такая, “Экстаз святой Терезы” что ли, вот оно самое. Я тогда кончил. И я всё помню. И зерно прекрасно, и деревянные своды амбара, и небо над ними, и дальше вокзал, военный городок, степь и речка, и просторы, и леса с волками серыми, и вечная мерзлота, и пингвины на льдинах, и ось, на которой всё вертится. Мир ведь прекрасен. Он не плох к тебе и не хорош, он просто есть, безразличный и интересный. Но то, как мы живём, меняет мир, за всё нужно платить, у всего есть побочные эффекты, а баланс хорошего и плохого всегда в ноль. Всё может закончиться плохо, всё может закончиться хорошо, но если я ничего не сделаю, то есть только один вариант и возможности хэппиенда вообще не существует. У меня нет выбора, я должен жить под маской, не афишировать, тихо, молчать, скрываться, таить. Потому что такой менталитет. Потому что в такой стране живём. У меня нет выбора, я могут жить только так, как заведено, и делать дела так как дела делаются. Знаете, что.

Саша убирает маску. Улыбается, стеснительно ерошит волосы.

У меня нет выбора. Все говорят, начну с Нового года, или после Дня рождения, или просто с понедельника, а у меня нет вариантов, завтра всё сойдётся, завтра у меня День рождения. Живи, думая, говори, думая, зацепись хоть за что-нибудь, когда никаких опор нет, ошибайся и двигай дальше. Мы все не идеальны, и поэтому все уязвимы, но именно это может сделать нас живыми — то, как мы следуем одним правилам, а

другие нарушаем. Роботы нас никогда не покорят. И знаете, что? Идите вы нахуй. Биг факин бэнг, мазафакас. Вот она, целая вселенная. Смотрите на неё, она отвратительна, как новорождённый во всем этом говне и слизи, и она прекрасна, как новорождённый, который тут же скукисился и заорал. Идите нахуй. Люблю вас, не могу. Чао-какао, детки. *(Широко улыбается и выключает камеру.)*

16.

Отец, Мать и Катя за столом пьют чай. На полу стоит собранная Максом сумка с вещами. Слышен звук смываемого унитаза, входит Макс.

МАКС. Всё, я готов.

МАТЬ. Руки бы хоть помыл.

МАКС. Ой, мам!

МАТЬ. Может всё-таки возьмёшь бутерброды? С форелью и сыром сливочным, вкусно.

МАКС. Да не ем я рыбу и не ел никогда. Ты лучше чёрные ботинки мои ещё раз глянь.

МАТЬ. Ну нет их там. Наверное, на дачу увезли.

МАКС. Ну мам, а в шкафу в пакетах тех?

Мать вздыхает и уходит в прихожую, шуршит.

Отец встаёт, подтягивает штаны, подходит и жмёт Максу руку.

ОТЕЦ. Ну, дружище!

Крепко обнимает.

ОТЕЦ. С богом!

МАКС. Давай.

Отец уходит в другую комнату, там включает телевизор, новости про предотвращённый теракт, очередную напряжённость в недалёкой стране и в духе дальше звучат где-то на фоне.

Возвращается Мать с ботинками в руках.

МАКС. Ну я же говорил!

МАТЬ. Разобрать всё надо. И комнату Сашкину. Сделаем детскую, а вы с Катей в твоей, да?

МАКС. Катя сама решит, где ей жить.

МАТЬ. Удобно же. Ну да разберёмся.

МАКС. Разобрались уже. Ясно?

МАТЬ. *(Сдавленно.)* Хорошо. Как скажешь.

Мать быстро целует его в щёку и уходит. Макс надевает ботинки.

КАТЯ. Максим, куда ты?

Макс не отвечает, продолжает обуваться.

КАТЯ. Куда ты?

МАКС. Что ты волнуешься? Вредно же.

КАТЯ. Скажи мне, что всё будет хорошо.

МАКС. Да кто знает.

КАТЯ. Мне очень нужно, чтобы ты обещал, что всё будет хорошо.

МАКС. Я сделаю так, чтобы у этого ребёнка, у нашего ребёнка всё было хорошо. Я обещаю.

КАТЯ. У Сашки?

Макс смеётся.

МАКС. Хорошо, у Сашки, уговорила. Попробую приехать на роды, окей? Скажу, что хочу, ммм, целовать стопы своего ребёнка, например.

Улыбается одному ему понятной шутке.

КАТЯ. Обещаешь?

МАКС. Вот.

Макс достаёт из кармана доллар. Разрывает купюру, отдаёт половину Кате, вторую прячет обратно в карман.

МАКС. Носи с собой, хорошо?

Катя улыбается.

КАТЯ. Зачем? Чтобы деньги притягивать? Это же не так важно.

МАКС. Это особый доллар, на счастье. Он не работает, но пусть будет.

Обнимаются.

МАКС. Ну всё, поехал.

Берёт сумку, уходит, останавливается на пороге.

МАКС. Катя.

КАТЯ. А?

МАКС. Какое у тебя любимое блюдо?

КАТЯ. Не знаю, простое что-то, пюре с курицей, наверное. А что?

МАКС. Ничего, просто. Чао-какао, детка.

Катя улыбается. Макс выходит, хлопает дверь. Катя крутит половинку доллара в руках, достаёт из сумочки кошелёк, убирает бумажку, садится, пьёт чай под далёкий бубнёж телека. Предотвращённый теракт, очередная напряжённость в недалёкой стране и в духе становятся ближе и ближе. Катя улыбается и думает о своём.

КОНЕЦ.

Москва/Тамбов, 2018